

Л. А. Андреева

К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА ДЕЕПРИЧАСТИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

*Работа представлена кафедрой финно-угроведения и общего языкознания
Югорского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. А. Цыпанов

В статье рассматривается проблема статуса деепричастия в марийском языкознании. В одних работах по грамматике марийского языка деепричастие определяется как неспрягаемая форма глагола, совмещающая в себе свойства глагола и деепричастия, в других представляется как неспрягаемая форма глагола, обозначающая второстепенное действие, связанное с основным действием подлежащего. Между тем все формы деепричастий в марийском языке, как и существительные, принимают possessивные суффиксы. С учетом рассмотренных свойств в работе приводится новое определение деепричастию. В марийском языке деепричастия соединяют признаки глагола, существительного и наречия и являются его изменяющимся лексико-грамматическим классом.

The article views the problem of adverbial participles' status in the Mari linguistics. In some works on the Mari grammar adverbial participle is defined as a non-conjugated verb form combining features of verb and adverbial participle. Others present it as a non-conjugated verb form that denotes a secondary action connected with the main action of a subject. Meanwhile all forms of adverbial participles in the Mari language take possessive suffixes like nouns. The author of the article suggests a new definition of adverbial participle in the context of these characteristics. In the Mari language adverbial participles combine features of verb, noun and adverb and form a changing lexico-grammatical class.

Известно, что научные термины, возникшие в рамках одной научной традиции или дисциплины, нередко заимствуются другими науками. В языкоznании терминологические заимствования регулярно обусловлены тем, что изучение разных языков продвигается неравномерно, грамматические традиции, в данный момент более продвинутые, становятся источником терминов и понятий, используемых для описания других языков. Так, базой для терминологии в марийском языкоznании послужила языковедческая терминология, принятая в русистике. М. И. Черемисина отмечает, что термин «деепричастие» используется лишь некоторыми грамматическими традициями, испытавшими влияние русистики, тогда как формы с аналогичными свойствами могут обнаружиться и в языках, которые описываются без привлечения этого термина, могут «жить под другими именами»¹. Как отмечено в Большом энциклопедическом словаре, «функционально близки деепричастию герундий в романских языках, падежные формы инфинитива и имени действия в финно-угорских и других языках»². Зарубежные исследователи-финно-угроведы чаще всего называют их «герундиями»³, но вместе с тем встречаются и такие термины, как «прилагольные наречия – verbaladverb»⁴ и «конверб – converb»⁵.

В марийском языкоznании под влиянием русистики изначально используется термин «деепричастие». В одних работах деепричастие определяется как неспрягаемая форма глагола, совмещающая в себе свойства глагола и наречия⁶, в других представляется как неспрягаемая форма глагола, обозначающая второстепенное действие, связанное с основным действием подлежащего⁷.

Большинство языковедов в современном марийском языке различают следующие пять форм деепричастий: 1) деепричастия предшествующего действия на -меке (горн. -мыкы), 2) деепричастия последующего действия на -мешке (горн. -мешкѣ), 3) одновременного действия на -шила,

4) деепричастия образа действия на -н, 5) отрицательные деепричастия на -де. Кроме этого, встречаются диалектные формы -дегече (-тегече, -дегызе, -тегецы, -дегецы) вместо -де и -мүңгү, -мәңге, -мяңгү, -мяңгүи вместо -меке.

Деепричастия образа действия на -н. Эти деепричастия образуются от основ глаголов 1-го спряжения при помощи суф. -ын, в диалектах выступающего также в фонетических вариантах -йн, -лн, -ън, от основ глаголов 2-го спряжения при помощи суффикса -ен (единого для всех диалектов). Форманты ыйн, -лн, -ън наблюдаются в йошкар-олинском, волжском, говорах лугового наречия, в северо-западном наречии и в некоторых говорах восточного наречия. Во всех диалектах деепричастия на -ын могут выступать в усеченной форме. Указывается, что в северо-западном наречии марийского языка «деепричастия образа действия могут присоединять к себе притяжательные суффиксы 2 и 3 л. ед. ч. в значении определительно-выделительных частиц»⁸. Однако примеров на употребление притяжательного суффикса с деепричастием не приводится.

Отрицательные деепричастия на -де (-те), -дегече (-тегече, -дегызе, -тегецы, -дегецы). Как отмечает Е. И. Коведяева, «все перечисленные суффиксы образуют междиалектные корреспонденции, однако основными из всех этих суффиксов являются -де (-те), -дегече (-тегече), остальные, в сущности, фонетические варианты, но каждый из вариантов имеет свой ареал функционирования»⁹. Оба деепричастных суффикса -де и -дегече, нередко заменяя друг друга, употребляются на значительной территории, а именно: во всех говорах восточного наречия, в говорах северо-западного наречия и в ряде говоров лугового наречия, преимущественно в зоне пограничной, располагающейся между луговым и северо-западным наречием. Суффикс -де характерен для центральной зоны бытования марийского языка и присущ моркинско-сернурскому говору. Эта же форма характер-

на и для горного наречия, где она является единственной формой отрицательных деепричастий: *ядаш* 'спрашивать' – *ядде* 'не спрашивая'. В исследовании о горном наречии марийского языка указано, что «к деепричастиям на -де иногда может примыкать притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. -žə / -ž̩ə с непротяжательным значением: *ketežə ak li, keäš keleš* 'не идти нельзя, надо идти'; *əštəðə žə lieš βäl?* βärsaš təŋgäl̩t βet? 'можно ли не делая, ругать ведь будут?'»¹⁰.

Как считает Е. И. Коведяева, в марийском языке функционируют три показателя деепричастий одновременного действия: *-шила* (-шила, -ышла), *-мыла* (-мыла) и *-шиын*. Суффикс *-шила* характерен для центральной зоны бытования марийского языка, он функционирует в луговом и горном наречиях, а также в некоторых говорах восточного наречия. В калтасинском и шаранском говорах его нет. В малмыжском говоре суффикс *-шила* имеет вариант *-ышла*. Суффикс *-шила* повсеместно может иметь лично-притяжательное оформление. В луговом наречии посессивный суффикс вставляется между компонентами этого сложного суффикса и как бы разрывает его на две части, образуя прерывистую основу: *толшемла* 'когда я шел', *толишетла* 'когда ты шел', *толишижла* 'когда он шел', *толишиштла* 'когда они шли'. Однако суффикс *-шила* не может выступать с формами 1 и 2 л. мн. ч. притяжательных суффиксов (ни в одном говоре лугового наречия). В горном же наречии деепричастие на *-шила* может употребляться со всеми формами посессивных суффиксов как в единственном, так и во множественном числе: *толишилаэм* 'во время моего прихода', *толишилаэт* 'во время твоего прихода', *толишилажы* 'во время его прихода', *толишиланы* 'во время нашего прихода', *толишилады* 'во время вашего прихода', *толишилашты* 'во время их прихода'. Е. И. Коведяева пишет: «Для горного наречия характерно и то, что лично-притяжательные суффиксы не разрывают деепричастный суффикс *-шила* на его составные части, не вклиниваются в него, а получают

место после его суффикса деепричастия»¹¹. Однако А. А. Саваткова отмечает, что «деепричастия на -λəla/θ̩ lð могут выступать в притяжательном оформлении, при этом притяжательные суффиксы, как правило, присоединяются непосредственно к деепричастию, но в 1-м и во 2-м л. ед. ч. они могут стоять между глагольной основой и суффиксом деепричастия, например: *tolš̩laem*, *tolš̩emlä* 'я мимоходом', *tolš̩laet*, *tolš̩etla* 'ты мимоходом', *tolš̩laž̩* 'он мимоходом', *tolš̩lana* 'мы мимоходом', *tolš̩lada* 'вы мимоходом', *tolš̩lašt̩* 'они мимоходом'»¹².

Суффикс *-мыла* характерен для северо-западного наречия, а также для волжского говора лугового наречия: сев.-зап. *шы́цмёлә* 'садясь', *клрглжмлә* 'в то время, когда бежал', *тлрлжмлә* 'в то время, когда вышивала'. Исследователи отмечают, что «деепричастия на *-мыла* могут оформляться посессивными суффиксами, кроме суффиксов 1 и 2 л. мн. ч. в собственно-посессивном значении, которые, как правило, вставляются между компонентами *-м* и *-ла* суффикса *-мыла*, например: *толмемла* 'когда я шел', *толметла* 'когда ты шел', *толмыжла* 'когда он шел', *толмыштла* 'когда они шли'.

Суффикс *-шиын* наблюдается в говорах восточного наречия (шаранском, калтасинском). В говорах лугового наречия деепричастная форма на *-шиын* выявляется лишь в отдельных словосочетаниях, например: *толшиын толам* 'идя иду', *кайшиын каем* 'уходя ухожу'. С. И. Апсатарова отмечает употребление суффикса *-шиын* также в мишкинском говоре восточного наречия: *lektən kajdəñp* 'как только вышел'¹³.

Е. И. Коведяева замечает, что «наблюдаются зоны, где в речи марийцев синтетическая форма деепричастия одновременного действия исчезла или же находится на пути к исчезновению: она заменяется аналитической, т. е. формой, состоящей из страдательного причастия в лично-притяжательной форме и послелога *годым* 'во время чего-л.'. Такие формы деепричастий одновременного дей-

ствия наблюдаются в речи носителей восточного наречия»¹⁴.

Деепричастия предшествующего действия представлены формами **-меке**, **-мыки** и **-менгэ (-мэнгэ)**. Суффикс -меке характерен для лугового наречия, в форме -мыки он функционирует в горном наречии. Показатель деепричастия предшествующего действия **-мэнгэ (-мэнгэ)** встречается в диалектах восточного и некоторых говорах лугового наречия. Для выражения предшествующего действия в северо-западном наречии вместо деепричастия на -меке употребляется сочетание послелога **мянкү** с пассивным причастием: *ала гыйц толмо мянкү амалаш вазам* ‘после прихода из города лягу спать’.

В работах исследователей наречий мариийского языка отмечается употребление дее-

причастий предшествующего действия с посессивными суффиксами¹⁵.

Деепричастия последующего действия имеют показатель **-мешке (-мешкү)**. Одной из особенностей этого суффикса является то, что он может выступать без компонента **-кы (-кү)**. Н. И. Исанбаев отмечает, что «полная форма этого суффикса обязательна лишь в том случае, когда деепричастие имеет какой-нибудь дополнительный grammaticalnyy показатель, в частности, притяжательные суффиксы, усиливательные частицы **-ак**, **-ам**»¹⁶. Во всех наречиях мариийского языка деепричастия последующего действия могут присоединять посессивные суффиксы всех трех лиц ед. и мн. чисел к суффиксу деепричастия¹⁷.

Выводы о диалектах можно свести в следующие табл. 1, 2.

Таблица 1
Употребление различных форм деепричастий в диалектах мариийского языка

Обр. действия (ын, ен)	Отрицательное		Временные формы							
	де (те)	дегече (тегече)	Одновременного действия			Предшествующего действия		Последующего действия		
			шыла	мыла	шын	меке	мыки	мёнгö, менгэ	мешке	мешкы, мешки
Во всех диалектах	Во всех диалектах	вост., сев.-зап., луг. (йош.-ол.)	луг., горн., вост. (кроме калт. и шаран.)	сев.-зап., луг. (волж.)	вост. (шаран., калт., мишк.)	луг.	горн.	вост., луг. (редко)	луг., вост.	горн., сев.-зап.

Таблица 2
Употребление посессивных суффиксов при деепричастных формах

Формы деепричастий	Всего	Посессивные суффиксы					
		единственное число			множественное число		
		1 лицо	2 лицо	3 лицо	1 лицо	2 лицо	3 лицо
-меке	361	25 (7%)	34 (10%)	244 (67%)	3 (1%)	3 (1%)	52 (14%)
-мешке	123	23 (19%)	17 (14%)	60 (49%)	—	3 (2%)	20 (16%)
-шыла	440	18 (4%)	5 (1%)	386 (88%)	—	—	31 (7%)
-н	48	—	—	48 (100%)	—	—	—
-де	17	—	—	17 (100%)	—	—	—

Таким образом, все рассмотренные формы деепричастий, как и существительные, принимают притяжательные суффиксы¹⁸.

Указывая глагольные черты деепричастий, следует отметить суффиксы видово-

го и залогового значения, управление падежными и послеложными формами имен, наречное определение. Близость деепричастия к наречию выражается в том, что в предложении оно всегда примыкает к гла-

голу и характеризует обозначаемое им действие. В некоторых случаях деепричастия¹⁹ могут принимать суффиксы сравнительной степени, например: *Изши волыжмекырак кынелына* 'Встанем, когда немного станет светлее'; *Мом ышташи, кас лиймешкырак?* 'Что делать до тех пор, пока не настанет вечер?' Деепричастия могут также присоединять к себе усилительные частицы *-ак*, *-ат*, например: *пурымекак*, *ястелтирыши шинче* 'Как только вошел, сел за стол'; *Тунемаши пурымекыжат*, *эрэ иктым веле шонен* 'Даже после того, как поступила учиться, думала все об одном и том же'. Учитывая рассмотренный мате-

риал, приведем следующее определение деепричастию в марийском языке: это инфинитная, неспрягаемая форма глагола, функционирующая как зависимое (неконечное) сказуемое и выражающая определенный характер отношения обозначаемого действия к другому (главному) действию. В марийском языке деепричастия соединяют признаки глагола, существительного и наречия и являются его изменяющимся лексико-грамматическим классом. Они могут закономерно принимать посессивные суффиксы, усилительные частицы *-ак*, *-ат*, а также суффикс сравнительной степени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черемисина М. И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1977. С. 4.

² Языкоzнание: Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 128.

³ Alhoniemi A. Marin kielioppi. Helsinki: Souomalais-ugrilainen seura, 1985. P. 141; Kangasmaa-Minn. The Syntactical Distribution of the Cheremis Genitive. Turku, 1966. P. 172; Bartens Mordvan. tseremissin ja votjakkin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi. Helsinki, 1979. P. 140; Кокла. Притяжательные суффиксы в марийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1963. С. 27.

⁴ Fokos-Fuchs. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // AL Hung. VIII. 1958.

⁵ Ylikoski J. Havantoja komin konverbeistä.

⁶ Исаnbаев Н. И. Деепричастия в марийском языке. Йошкар-Ола, 1961. С. 3; Григорьев Я. Г. Марийский язык. Йошкар-Ола, 1953. С. 160.

⁷ Исаnbаев Н. И. Деепричастие // Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961. С. 250; Учаев З. В., Акланов Г. А., Патрушев Г. С. Марий йылме. 6–7класслан учебник. Йошкар-Ола, 1991. С. 304.

⁸ Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970. С. 179.

⁹ Коведяева Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык / Отв. ред. А. П. Феоктистов. М.: Наука, 1987. С. 136.

¹⁰ Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. Savariae, 2002. С. 238.

¹¹ Коведяева Е. И. Указ. соч. С. 141.

¹² Саваткова А. А. Указ. соч. С. 245, 246.

¹³ Аксатарова С. И. Мишкинский говор в системе диалектов марийского языка (Фонетико-морфологическая характеристика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1999. С. 18.

¹⁴ Коведяева Е. И. Указ. соч. С. 141.

¹⁵ Саваткова А. А. Указ. соч. С. 241; Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Указ. соч. С. 184; Коведяева Е. И. Указ. соч. С. 143.

¹⁶ Исаnbаев Н. И. Указ. соч. С. 268.

¹⁷ Исаnbаев Н. И. Указ. соч. С. 268; Саваткова А. А. Указ. соч. С. 240; Иванов И. Г., Тужаров Г. М. Указ. соч. С. 181.

¹⁸ Следует указать на некоторые особенности: 1) при деепричастии на *-ышла* не употребляются посессивные суффиксы 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч.; 2) при деепричастиях на *-н* и на *-де* употребляется только посессивный суффикс 3 л. ед. ч.

¹⁹ Зафиксированы примеры только с временными формами деепричастий на *-меке* и *-мешке*. Суффикс сравнительной степени, присоединяясь к деепричастию, вносит в его общее временное значение оттенок приблизительности, неточности.